

Т.Н. Резвых

ЛЕЙБНИЦЕВСКИЕ МОТИВЫ У РАННЕГО РОЗАНОВА

Целью статьи является исследование лейбницевских влияний на формирование органицистской концепции раннего В.В. Розанова. Связанное с чтением работ Н.Н. Страхова, оно во многом обусловило появление розановской натурфилософии. Используя лейбницевскую оппозицию причинности и телеологии, Розанов пришел к выводу, что сфера применения причинности должна быть ограничена только телом, душевные процессы регулируются принципом предустановленности. Космос и история устроены в виде иерархии типов существ в порядке нарастания предустановленности и разумности. Тем самым Розанов приходит к идее одушевленности природы и к идее пола как точки соединения духа и плоти.

Ключевые слова: организм, причинность, телеология, душа, тело, механицизм, органицизм, энергия, монада, форма, сила.

При изучении генезиса розановского творчества практически неисследованным является влияние на него Лейбница. Предпосылки интереса Розанова к Лейбницу могли возникнуть еще во время учебы в Московском университете в 1878–1882 гг.: курс всеобщей истории будущий философ слушал у профессора В.И. Герье, автора докторской диссертации «Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому» (1868–1871)¹. Однако, скорее всего, источник коренится во влиянии трудов его «крестного отца в литературе, Н.Н. Страхова»². В начале 1888 г. в письмах к нему Розанов дважды упоминает Лейбница: «Вот уже года 2, присматриваясь к разным сочинениям (между прочим у Куно-Фишера в изложении философии Лейбница³, у Вас в книге «Об основных понятиях физиологии», у Уэвеля в «Ист<ии> инд<уктивных> наук») — в статье о Кювье, у Гогоцкого, у Данилевского в «Дарвинизме») я все

Татьяна Николаевна Резвых — кандидат философских наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, научный сотрудник Мемориального Дома-музея С.Н. Дурьлина (hamster-70@mail.ru).

¹В 1873 г. Герье издал материалы Лейбница, связанные с Россией: Сборник писем и мемуаров Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Издал В. Герье. СПб., 1873.

²*Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Том первый. СПб., 1913. С. X.

³Первое издание «Истории новой философии» Куно Фишера выходило в Германии с 1854 по 1877 г. (Geschichte der neueren Philosophie. In 6 Bänden. Stuttgart-Mannheim-Heidelberg, 1854–77), а посвященный Лейбницу том «История новой философии. Т. II. Век немецкого просвещения: переход от догматической философии к критической» в переводе Страхова вышел в Петербурге уже в 1863 г.

больше и больше приходил к убеждению, пожалуй к догадке, что корень дела, ключ к разрешению множества вопросов, которые для меня — или разрешить, или не жить, лежит у Аристотеля»⁴. Через две недели, в письме от 2 марта, Розанов опять возвращается к этой теме: «Я читал Ваши «Об основных понят<иях> физиол<огии>». И так живу теперь Вашим «Мир как целое». Так, я убежден, должен читать всякий, кто учится для себя. Но я буду следовать все-таки Вашему совету, и что если я мало прочту; как хотелось бы познакомиться с Лейбницем; Вы его тоже очень цените, и я даже из Ваших указаний люблю и его, и Аристотеля»⁵. Для Розанова Лейбниц навсегда остался одним из главных борцов с механистическим взглядом на природу. Рецензируя статью профессора богословия Харьковского университета, прот. Т.И. Буткевича, «Неверие XIX века» (1899), Розанов писал: «Статья посвящена разбору механического воззрения на природу, которого родоначальником следует считать в европейской философии Декарта, и доказательству, что живые и жизненные явления выходят из схемы механических отношений и требуют для объяснения себе Бога Промыслителя и Управителя мира. Это мысль многих ученых; но между ними никто так много не работал над нею, как Лейбниц в своем учении о предустановленной гармонии и о монадах»⁶. В статье «Медики в психологии» (1906), он отмечал, критикуя декартовское убежденность в отсутствии души у животных: «Но вот пришел Лейбниц, протестант и немец, т.е. не централист, а федералист в вере, в политике и в быте, и он не менее ясно и убедительно, чем Декарт, доказал ту другую и противоположную истину, что, напротив, нет такого мельчайшего существа в мире, до последней былинки, которое не имело бы «своей души», и даже до того замкнутой, что на нее ничто внешнее не может действовать»⁷.

Розанов не мог прочесть Лейбница по-немецки по причине незнания языка, однако существовало французское издание Лейбница, сделанное А. Фуше де Карейлем («Nouvelles lettres et inédits de Leibniz». Paris, 1857), с которым он вполне мог быть знаком. Кроме того, интерес Розанова к Лейбницу совпал с появлением первых переводов Лейбница по-русски. В обзоре философских переводов, сделанном в начале 1888 г., Розанов перечислял только «более или менее полные переводы творений Платона, Бэкона, Спинозы, Канта, Гегеля и Шопен-

⁴Розанов В.В. Письмо Н.Н. Страхову. 15 февраля 1888 г. // Розанов В.В. Литературные издания. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. С. 151.

⁵Там же. С. 158.

⁶Розанов В.В. Во дворе язычников / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1999. С. 67.

⁷Розанов В.В. Около народной души. Статьи 1906–1908 гг. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2003. С. 34.

гауэра и в незначительной степени переводы Аристотеля и Декарта»⁸, однако именно конец 1880-х гг. в России можно назвать временем начала основательно-го изучения и переводов лейбницеvского наследия. В 1888–1892 гг. в харьковском журнале «Вера и разум», в переводах инспектора Харьковской духовной семинарии и соредатора журнала с 1899 по 1916 гг., К.Е. Истомина, была опубликована «Теодицея», в 1893–1897 г. — «Новый опыт о человеческом разуме». В 1890 г. вышел том Лейбница в рамках IV выпуска «Трудов Московского психологического общества»⁹. Серьезный анализ лейбницеанства был предпринят в диссертации А.А. Козлова «Генезис теории пространства и времени Канта» (Киев, 1884). «Беседы с петербургским Сократом» Козлова, написанные уже под прямым влиянием Лейбница, публиковалась в его журнале «Свое слово» с 1888 по 1892 г. В своем обзоре русской философии Розанов писал: «Из всех философских систем две, нам думается, могут наиболее способствовать пониманию природы, как наиболее богатые метафизическими понятиями: системы Аристотеля и Лейбница»¹⁰. Эта розановская статья вышла в той же книге «Вопросов философии и психологии» (1890), что и козловский «Очерк жизни и философии Лейбница по сочинению Мерца»¹¹.

По Лейбницу, сущность тела состоит не только в протяженности, величине, фигуре и движении. Поскольку голая протяженность неспособна действовать, во всякой субстанции необходимо признать наличие силы действия, а если субстанция сотворенная, то также и силы претерпевания. «В телесных вещах есть нечто, кроме протяженности, а именно сама сила природы, повсюду вложенная Творцом, которая состоит не в простой способности, чем довольствовались до сих пор философские школы, но помимо того снабжена направленностью, или устремлением, если оно не встречает препятствия в противо-

⁸ Розанов В.В. Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой по философии // Розанов В.В. Красота в природе и ее смысл. И другие статьи 1882–1890 / Сост., подг. текста и коммент. В.Г. Сукача. С. 119. Статья была в 1888 г. написана в качестве предисловия к его с П.Д. Первовым переводу первых пяти книг «Метафизики» Аристотеля, но вышла отдельно: Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 3.

⁹ Лейбниц Г.В. Избранные философские сочинения / Пер. членов Психологического общества под ред. В.П. Преображенского. Редактор в Предисловии писал, что мысль перевести Лейбница возникла еще раньше выхода в свет I выпуска «Трудов» Общества. В переводе приняли участие: Ю.П. Бартев, А.П. Басистов, Е.Н. Бобров (перевел «Монадологию»), Н.Я. Грот, Н.А. Иванцов, Э.Л. Радлов, Ф.А. Смирнов, В.П. Преображенский.

¹⁰ Розанов В.В. Красота в природе и ее смысл... С. 124.

¹¹ Козлов А.А. Очерк жизни и философии Лейбница по сочинению Мерца // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 3. С. 36–64.

положном устремлении»¹². Активная сила бывает двоякой: первичная, которая сама по себе присутствует в телесной субстанции, либо производной, которая проявляется при столкновении тел между собой. Первичная есть «первая энтелехия» Аристотеля, она соответствует душе или субстанциальной форме. Эта сила создается Богом в самих телах и составляет внутреннюю природу тел. Пассивная сила есть сила претерпевания, то, что называют первичной материей. От нее происходит то, что тело не проникается телом, наделено инертностью. Производная сила претерпевания проявляет себя во вторичной материи: «своей формой всякое тело всегда действует, а своей материей всякое тело всегда претерпевает и оказывает сопротивление»¹³. Душа не может влиять на тело, а тело на душу, однако их согласованность предустановлена. Тем самым, в понятии душевно-телесного существа у Лейбница объединены все четыре аристотелевских причины: тело является материальной причиной вещи и живет по законам действующих причин, душа является формальной причиной вещи и живет по законам целевых причин. Всякое существо существует одновременно по законам действующих и целевых причин, но эти законы относятся к разным составляющим этого существа. Первые — механические, вторые — нравственные. Лейбниц различает два типа душ — неразумные животные и разумные духи. Душа обладает представляющей природой, в силу этого она по-своему, уникально представляет весь универсум. Представления внешних вещей возникают в душе в силу ее собственных законов, как будто в мире ничего, кроме нее и Бога, не существовало. Вся природа, сила, цель и деятельность субстанций состоит в том, чтобы выражать Божество. Животные имеют души, выражающие весь универсум менее совершенным способом, чем духи — существа самые совершенные и наиболее выражающее Божество. Бог — глава этих одаренных разумом субстанций (личностей), монарх совершенного государства. «Вообще надо принять то положение, что все в природе можно объяснить двояко: как принадлежащее царству могущества — через *производящие причины*, а как принадлежащее царству мудрости — через *целенаправленные причины*; Бог правит во славу себе телами как машинами наподобие зодчего — *по законам количества*, или *математическим*, и притом через посредство душ; душами же, носителями мудрости, как своими подданными, имеющими с ним некое сродство, — наподобие властителя, или скорее отца, *по законам благодати*, или *моральным*; оба этих

¹² Лейбниц Г.В. Опыт рассмотрения динамики. О раскрытии и возведении к причинам удивительных законов, определяющих силы и взаимодействие тел // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 247.

¹³ Там же. С. 250.

царства находятся повсюду во взаимопроникновении, но законы каждого из них остаются несмешанными и невозмущенными, так что одновременно достигается и наибольшее в царстве могущества, и наилучшее в царстве мудрости»¹⁴. Однако весь мир одушевлен: «...во всех неорганических скрываются органические, так что вся масса, на вид бесструктурная и сплошь однородная, внутри неоднородна, а дифференцирована, притом не бесформенно, а упорядоченно. Таким образом, везде присутствует организм, нигде нет хаоса, недостойного мудрой природы, и *все органические тела в природе одушевлены, но души и тела не обмениваются между собой присущими им законами*. Все в телах происходит через фигуры и движения, все в душах — через восприятия и устремления; в душах — царство конечных причин, в телах — царство производящих причин, и эти два царства независимы одно от другого, но находятся в гармонии между собой»¹⁵. Итак, суть подхода Лейбница в том, что без понятия силы нельзя объяснить движения и открыть его законы, поэтому не протяжение, а сила составляет сущность тела. В вещественном мире все совершается механически, но самые принципы механики имеют высшее происхождение и подчиняются законам телеологии, в соответствии с которыми существуют психические силы — субстанции. Поэтому, хотя душа и тело живут по собственным законам, мир, в конечном счете, оказывается устроенным по законам организма, телеологии. По версии Куно Фишера, это означает, что Лейбниц ставит себе задачу примирить Декарта с Аристотелем и христианским богословием. Если Декарт и Спиноза отрицают аристотелевское понятие цели с точки зрения механической причинности, то Лейбниц стремится соединить причинность и телеологию, природу и нравственность, материальное и духовное.

Козлов в своем историко-философском экскурсе в понятия пространства и времени следует за К. Фишером. До Лейбница философия объясняла существование вещей причинностью, «но такое объяснение неудовлетворительно, ибо не выходит из сферы случайного и не останавливается на *необходимом*, которое одно успокаивает разум»¹⁶. Настоящее объяснение дает закон достаточного основания. «По этому закону каждое явление имеет свое последнее основание, находящееся не в бесконечном ряде других, обуславливающих его, явлений, а вне его и вообще вне всех явлений, следовательно, одно и то же для всех явлений. Мало того, что существующая вещь должна не заключать противоре-

¹⁴ Лейбниц Г.В. Опыт рассмотрения... С. 257.

¹⁵ Лейбниц Г.В. Против варварства в физике за реальную философию и против попыток возобновления схоластических качеств и химерических интеллигенций // Там же. С. 357.

¹⁶ Козлов А.А. Генезис теории пространства и времени Канта. Киев, 1884. С. 51.

чия вечным, рациональным истинам, по закону тождества, или по закону возможности ее бытия; нужно еще, по закону достаточного основания, показать, почему она вышла из сферы возможности в действительность, или иначе оправдать перед разумом самый факт ее реализации в мироздании. Это оправдание, по Лейбницу, заключается *в соответствии, в гармонии* каждой вещи со всеми остальными»¹⁷. Козлов приходит к выводу, что у Лейбница высшее объяснение вещей должно быть телеологическим. В статье 1890 г. «О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов» Розанов сходно определяет и задачу Страхова: исследование границы между сферами причинности и телеологии, т.е. материальным и духовным¹⁸. В рецензии на «Мир как целое» Розанов подробно останавливается на содержащемся в страховской книге анализе специфики организма как одушевленного, целостного, телеологически устроенного существа, а в примечании 1913 года выражает это в краткой формуле: «Организмы — каждый — суть «я», механика — всегда «это», «то», «вон *то*». Вот краткое выражение дела»¹⁹. Сближение Розановым Аристотеля и Лейбница базируется на основании возведения организмов к предустановленной телеологией форме, а форм к их первоисточнику — Уму²⁰.

Именно проблема различия и единства тела и души занимала Страхова на протяжении всего его творчества. В книге «Мир как целое» (первое издание в 1872 г.) он стремится наметить контуры органического мировоззрения, исследуя существенные признаки живого существа в его отличии от неживого. Прежде всего, он замечает, что истоки органического мировоззрения лежат не в работах ученых-натуралистов, а в немецкой классической философии. В самом деле, понятие организма было впервые разработано Кантом. Материальные явления в неживой и живой природе объясняются натуралистами материальными же причинами. И неживая, и живая природа (организм) являются веществом, однако именно поэтому при помощи вещественных признаков невозможно отличить живое от неживого. Страхов анализирует свойства организма в поисках специфики живого. Во-первых, развитие отдельного организма и появление более совершенных организмов невозможно объяснить из принципа причинности. Закон причинности не определяет, какое явление произойдет, т.е. следствие случайно, сущностно не связано с причиной. Организм может

¹⁷ Козлов А.А. Генезис теории... С. 51.

¹⁸ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. СПб., 1913. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 70.

²⁰ Лейбниц Г.В. Письмо к Якобу Томазиу о возможности примирить Аристотеля с новой философией // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 95.

совершенствоваться только благодаря внутренним силам. «Следовательно, мы должны приписать самим организмам стремление переходить в высшие формы»²¹. Во-вторых, живые организмы радикально отличаются от неживых своей временной ограниченностью, т.е. смертностью. В отличие от физических и химических явлений организмы развиваются, расцветают (достигают определенной цели) и гибнут в определенные сроки. «Организмы не только ограничены в пространстве, но имеют еще другое совершенство, т.е. ограничены во времени; зачатие и смерть — вот пределы, между которыми заключается жизнь, заключается столь же строго и точно, как сущность мертвого тела заключена в пространственных его границах»²². В-третьих, они обладают структурой, в них части взаимосвязаны, и благодаря этим взаимосвязям существует целое. Каждый тип организма имеет определенные внутренние и внешние части, не безразличен к окружающей его природе, следовательно, обладает предустановленной, связанной с его функциями формой. Все эти признаки обусловлены тем, что развитие организма определено его сущностью, или как говорит Страхов: «в каждом существе необходимо должно быть все, что следует из понятия этого существа»²³. И, наконец, в-четвертых, Страхов различает у растений и животных тело и душу. Более того, он уверен, что, подобно тому, как есть классы тел животных, есть и классы душ. Подобно тому, как классы тел соответствуют этапам внутриутробного развития человеческого тела, так и души соответствуют «различным периодам в развитии души человеческой»²⁴. В-пятых, природа обладает энергией: но в неживой природе действует закон сохранения энергии, т.е. сохраняется ее постоянное количество, в живой природе энергия возрастает, а это значит, что она переходит в иные, нефизические, формы. Это выражается в том, что живая природа наделена психикой.

В работе «Об основных понятиях психологии и физиологии» (первое издание вышло в 1886 г.) Страхов вновь отстаивает тезис строго строгого разделения сфер физиологии и психологии, с той целью, чтобы затем исследовать одушевленную природу. «В организме всегда присутствует идея, которая его творит, то есть заправляет его морфологическим процессом. <...> Развитие организма совершается по некоторому заранее установленному плану, который поэтому подобен идее, существующей прежде своего исполнения»²⁵. Поэтому

²¹ Страхов Н.Н. Мир как целое. М., 2007. С. 158.

²² Там же. С. 166.

²³ Там же. С. 193.

²⁴ Там же. С. 286.

²⁵ Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. 3-е изд. Киев, 1904. С. 129.

и физиология как наука об организмах должна изучать не причинные, механические, а предустановленные процессы. Душевные проявления невозможно свести к механическим, поэтому «психолог, если он твердо установится на своей точке зрения, не может даже никакими средствами ввести в свой кругозор вещественные предметы, — для него все обращается в психические факты»²⁶. В человеке предустановленная организация приобретает черты сознания. Философ подробно анализирует сферу одушевленной природы и высшую форму психики — человеческое «я».

Мир телесный, внешний, резко отличен от мира духовного, внутреннего. Первый, в отличие от второго, в соответствии с декартовским тезисом *cogito ergo sum*, может быть подвергнут сомнению. Во внутреннем мире, в свою очередь, необходимо отличать сознание (восприятия, представления, мысли) от «я», чистого субъекта. Страхов воспроизводит идею Лейбница: «я» — «монада, неподвижная центральная точка психического мира»²⁷. Это «субъект, который никак и никогда не может стать объектом»²⁸. Я не может быть объектом эмпирической психологии, оно остается непознаваемым. В качестве безвременного, оно является условием всякого временного ряда. «Для того, чтобы время было в нас, мы сами должны поставить себя вне времени»²⁹. Однако, сформулировав идею бестелесной субстанции, Страхов, тем не менее, не встает на точку зрения идеализма: внешний мир не является только моим представлением. Психика действует по своим законам: «Вот очень меткое сравнение: тело живого существа есть механизм часов, а душа есть то время, которое часы показывают. Механизм действует сам по себе, ничего не зная о разделении времени и не содержа в себе никакой причины этого разделения; между тем показания времени совершаются, и в одних этих показаниях — весь смысл этого механизма»³⁰. Тем самым, очевидно, что Страхов воспринял не только лейбницевскую идею монады, но и представление о том, что душа и тело имеют разные законы, существуют параллельно.

Натурфилософская концепция Розанова содержится в его книге «О понимании» и работах конца 1880-х — первой половины 1890-х гг. и опирается на аристотелевскую идею Перводвигателя как цели всех целей и лейбницевскую идею различения законов тела и законов души. Розанов детально анализирует

²⁶ Там же. С. 110.

²⁷ Там же. С. 44.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 52.

³⁰ Там же. С. 109.

понятия причины и цели³¹. Под причиной Розанов понимает движущую причину: толчок, приводящий к появлению нового явления³². Причинные процессы связаны с законами механики и имеют целый ряд свойств. Во-первых, отношение между причиной и следствием всегда внешнее, поверхностное, следствие безразлично и случайно по отношению к своей причине. Однако Розанов подвергает сомнению само наличие случайных явлений. Факт случайный «происходит как бы не от своей причины, а от того, что есть следствие в ином причинном ряду — с этим фактом, однако, не согласованным (что было бы целесообразностью). Он порождается пересечением двух или более процессов независимого происхождения»³³. Случайное событие является пересечением двух предустановленных, а не причинных процессов. Эта критика обусловлена неприятием дарвинизма, объясняющего случайностью разнообразие организмов. Во-вторых, механическая причинность связана с прикосновением, не случайно «сферой механизма всегда считалась только область грубого вещества»³⁴. В-третьих, следствие рассеивается по мере удаления от причины. Чем более удалено следствие от причины, тем меньше оно с ней связано. Причина не сохраняется в следствии. В-четвертых, механический процесс есть всегда неопределенный. Одно и то же явление может вызвать разные причины и наоборот, следствие может быть вызвано разными причинами. В механической причинности «каждое существует для многого и через многое, но не для одного и не через одно»³⁵. Пятый принцип: в причинных, механических процессах невозможно отличить часть от целого, главное — от второстепенного. При помощи этого анализа Розанов стремится показать, что причинно-следственный подход применим только в ограниченной области исключительно механических процессов.

Предустановленные процессы имеют прямо противоположные свойства. Понятие формы — самый существенный элемент целесообразности. Цель присутствует в каждом звене целесообразного процесса, поэтому в них вещь может принять только определенную форму. Целесообразным процессом движет идея, душа. Она постепенно зарождается и растет, движимая внутренними причинами, и, в конце концов, распадается, т.е. хотя каждый организм всегда отно-

³¹Кратким экскурсом в понятие причинности завершается статья «Заметки о течениях русской мысли...» (Розанов В.В. Красота в природе и ее смысл... С. 122–124).

³²Розанов В.В. Природа и история. Статьи и очерки 1904–1905 гг. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.; СПб., 2008. С. 17.

³³Там же. С. 15.

³⁴Там же. С. 19.

³⁵Там же. С. 24.

сится к определенному типу, воспроизводит определенную форму, отдельная душа-форма конечна. В причинных процессах нет принудительной формы, целесообразные процессы всегда осмысленны, упорядочены и, в конечном счете, разумны. «Царство органическое создано по целям, царство неорганическое — по причинам»³⁶. «Организм есть выражение целесообразности, запечатленное в веществе»³⁷. Во-первых, в них «цель всегда есть самое сложное сравнительно с остальными фазами процесса»³⁸. Во-вторых, это процессы определенные, в-третьих, необходимые и принудительные. Живое существо стремится измениться в направлении к осуществлению лежащего в нем задатка, затем осуществляет его и погибает. В отличие от механизма, где ряд перемен может быть бесконечен, во всем живом он имеет конец. Снять противоречия между причинностью и целесообразностью должно было, по Розанову, понятие потенциальности³⁹. Потенциальность есть начальный момент каждой вещи мира в целом, все более определяющаяся, все более актуализирующаяся и заканчивающаяся чистым актом. В неживой природе задатков бесконечно много, поэтому там преобладает неопределенная потенциальность; во всяком живом существе есть задаток лишь к чему-то одному, поэтому им движет определенная потенциальность. В живых организмах она становится предустановленной. «Вся совокупность растительных и животных форм <...> признается рядом звеньев одного великого и сложного процесса, который носит название *органического*. Эти звенья, единичные особи органического мира»⁴⁰ есть звенья целого. Они становятся такими звеньями целого в акте рождения, следовательно, в нем соединен весь органический мир.

В отличие от причинности целесообразность всегда разумна, следовательно, иерархия вещей и существ в Космосе нацелена на преодоление неразумного и победу разумного. С удалением целесообразности мир лишился бы нравственного смысла. Только в конце мира обнаружится его разумная причина-цель, которая объяснит нам, зачем он возник. Каждое единичное явление тем больше включает в себе энергии, чем ближе оно к источнику бытия. Количество жизненной энергии в организме тем больше, чем он более сложно устроен, чем многочисленнее и разнообразнее его функции. Окружающая нас природа богаче,

³⁶Розанов В.В. О понимании / Под ред. В.Г. Сукача. М., 1996. С. 261.

³⁷Там же. С. 258.

³⁸Розанов В.В. Природа и история... С. 27.

³⁹Розанов В.В. Письмо Н.Н. Страхову. 22 января 1888 г. // Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Под общ. ред. А.Н. Николокина. М., 2001. С. 144.

⁴⁰Розанов В.В. Красота в природе и ее смысл... С. 172–173.

чем в начале ее зарождения. Значит, энергия органической жизни приближается к своей причине, а не удаляется от нее: «скрытый центр, откуда пульсирует в течение тысячелетий органическая жизнь, лежит не позади органических явлений, и они не исходят из него, не отталкиваются им, но — впереди их, и они стремятся к нему, восходят»⁴¹. Цель есть движущее начало органического процесса, источник красоты в природе — скрытая целесообразность. Начало органической жизни не в прошлом, а в будущем; «органический процесс уже получил свое завершение в человеке <...> скрытая целесообразность, двигавшая развитие столько тысячелетий, направлялась к созданию *его* внешних черт и *его* духа»⁴². Органическая энергия переходит в психическую, которая, нарастая со временем, вырастает в духовное творческое начало, так, природа, развиваясь, переходя во все более сложные формы, становится мышлением, переходит в сферу мышления. Розанов уподобляет процесс развития органа у прототипа рода в разнообразнейшие формы этого органа разложению понятия на представления, т.е. проводит параллель между миром реальных вещей и миром мыслимым⁴³. Развитие организмов есть раскрытие идеи жизни, а сам организм есть проявление «в веществе форм этой раскрывшейся идеи»⁴⁴. «Отсюда понятно, почему находим мы в этом мире классы, роды и виды организмов с постепенно суживающейся общностью строения; и почему весь он в своем целом располагается в строгую и правильную систему, подобно тому как располагаются в систему члены правильно раскрытой идеи»⁴⁵. Дух есть чистая форма, форма всех единичных форм⁴⁶. Эта всеобщая цель связывает все вместе, делая одни вещи потенциями бесчисленного множества других вещей. Не исключено, что идея связи причины и цели, неразумности и разума, впоследствии привела Розанова к теме пола как ноуменального принципа духа, «корня духа». Все мироздание есть система природ, устроенная иерархически, в ней постепенно уменьшается действие причинных законов и усиливается действие целевых причин.

Придя к выводу, что предустановленные, целевые силы наиболее раскрываются в сфере человеческого существования, Розанов начинает применять органицистские принципы к истории и литературе. В статье «Старое и новое»

⁴¹Розанов В.В. Красота в природе и ее смысл... С. 177. Телеология В.В. Розанова предвосхищает мысль об инверсии времени в сновидениях в «Иконостасе» о. П. Флоренского.

⁴²Там же. С. 186.

⁴³Розанов В.В. О понимании. С. 267.

⁴⁴Там же. С. 268.

⁴⁵Там же.

⁴⁶Там же. С. 392.

(1892) отстаивается тезис о том, что «вся разница между славянофилами и западниками заключается в том, что взгляд первых на историю есть органический, а вторые смотрят на нее как на простое механическое делание»⁴⁷. Итоговой в телеологической концепции Розанова можно считать статью 1895 г. «Красота в природе», написанную по поводу соловьевской статьи с тем же названием. Вопреки Соловьеву, красота в природе связана не с размножением (особи мужского пола привлекают самок), а с самой формой организма. Красота «является там, где *жизненная энергия повышается в своем напряжении*»⁴⁸. Прекрасное есть произвольное и естественное выражение жизненной энергии, особенная форма, в которую, наряду с бесчисленными другими формами, эта энергия преобразовывается»⁴⁹. Розанов обращает все большее внимание на проблему возникновения, рождения существ. Явления, устроенные по законам причин, не могут погибнуть, в телеологических процессах рождение обусловлено смертью родителя, новое рождение происходит ценой смерти. Чем сложнее устроен организм и чем больше у него функций, тем больше в нем жизненной энергии. Вся органическая жизнь есть единое целое, но она пульсирует в индивидуальном существовании. Природа телеологически устремлена ко все более сложным формам. Это усложнение осуществляется в акте рождения. Именно рождение является той точкой, где повышается жизненная энергия. Здесь в зародыше содержится розановская тема «беременного живота», «чрева», «кормления грудью». Красота, следовательно, обязана своим появлением беременности и родам, и эстетическое начало усиливается по мере развития все более сложных типов и организмов.

От природы Розанов переходит к истории, рассматривая развитие красоты по мере появления все более развитых народов. Только в белой расе духовный мир проникает сквозь «грубые черты физической природы»⁵⁰. Поскольку источник развития природы есть ее цель, а целью развития органического мира является появление человека, то «в природе красоты, каковую она является в человеке, мы должны искать разгадки красивого, которое находим в органическом мире»⁵¹. Целесообразное — всегда продукт психического. И поскольку человек — разумное существо, то, следовательно, и органиче-

⁴⁷Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1996. С. 196.

⁴⁸Розанов В.В. Природа и история... С. 50.

⁴⁹Там же.

⁵⁰Там же. С. 77.

⁵¹Розанов В.В. Природа и история... С. 77.

ская жизнь — «проявление в веществе психической жизни»⁵². Розанов различает психику и дух, свойственный лишь человеку. Однако дух является высшей фазой развития органической энергии, выражающейся в культурном творчестве народов, в их вкладе в мировую историю. Философ соединяет свою оппозицию причинности и телеологии с гегелевским делением на неисторические и исторические народы. Историческое движение бывает двух видов: «*передвижение частей, но нет движения целого*»⁵³, нет целостного единого процесса, т.е. нет осмысленной цели развития народа. Неисторический народ, несмотря на постоянное движение в пространстве, не изменяется во времени, не развивается (китайцы, армяне, отчасти евреи). Они долговечны подобно явлениям неживой природы, их энергия ни во что не преобразуется, остается неизменной, т.е. по отношению к ним действует закон сохранения энергии. Исторические народы оставили след в истории. Каждая последующая фаза, «являясь возросшею сравнительно с предыдущею, яснее раскрывает в себе то содержание, которое уже заключалось в ней, но лишь в смутном и неопределенном виде. Поэтому-то и в жизни народов, проходящей в форме этого процесса, каждое явление получает свой смысл и освещение не столько в предшествовавших или одновременных с ним обстоятельствах, сколько в том, что за ним последовало, во что перешло оно»⁵⁴.

Итак, и Страхов, и Розанов анализируют две области, приходя к выводу, что неживая природа устроена по законам причинности, механизма, живая — по законам телеологии, организма. Но если Розанов стремится найти зачатки психики в неживой природе, то Страхов разводит эти сферы. На это различие обратил внимание сам Розанов. В примечаниях 1913 г. к статье 1890 г. «О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов», вошедшей в первый том «Литературных изгнанников», Розанов обращает внимание на то, что Страхов стремился разделить сферы физики, биологии и психологии и для каждой наметить присущие только ей законы и категории. Эти области знания у Страхова «*суть совершенно разные области, и по предмету, и по отношению к ним разума, и по методу*»⁵⁵. В своей рецензии на пятый сборник «Свое слово» А.А. Козлова, Розанов критикует стремление Козлова расторгнуть связь между духом и телом: «Тела есть — и они всегда ду-

⁵²Там же. С. 78.

⁵³Там же. С. 81.

⁵⁴Там же. С. 83.

⁵⁵Розанов В.В. Литературные изгнанники. Том первый. СПб., 1913. С. 12.

ховны; есть души — и они именно в телах»⁵⁶. Однако панпсихизм Козлова во все не предполагал расторжения души и тела, напротив, именно в этом выпуске Козлов писал: «Вследствие невозможности отношения непространственного духа к пространственной материи, тогда как весь опыт указывает на тесную связь и взаимное влияние друг на друга духа и тела, и нет никакой возможности допустить или согласить существование двух субстанций»⁵⁷. Козлов предполагает, что материальные явления суть продукты мыслящего духа, но для Козлова весь мир оказывается представлением мыслящего субъекта, а для Розанова целестремительное движение природы от одного более простого типа к более сложному обнаруживает постепенное нарастание одушевленности. Для него не может быть неодушевленной природы, равно как и не воплощенной в материи души. Пол и есть начало, в котором неразрывно соединены душевное и телесное, есть уникальная точка их соединения.

В отличие от Страхова Розанов уверен во взаимосвязи души и тела. Тем самым Розанов оказывается гораздо ближе к Лейбницу, чем Страхов. Неудивительно, что свою концепцию пола как бессознательного и одновременно духовного принципа Розанов сравнивал с лейбницеvской идеей бессознательного. Откликаясь на доклад С.Л. Франка о У. Джемсе в Религиозно-философском обществе (июль 1910 г.), он увидел и в идее религиозного опыта Джемса сходство со своей концепцией пола как религиозно-космического принципа. Человек религиозен не только душой, но и телом, поскольку душа и тело неразрывно связаны: «Лейбниц говорил о «смутных», «темных» представлениях, какие имеет душа наряду с «ясными»; Джемс говорит о сфере «темного сознания», которая окружает собою сознание ясное»⁵⁸. Розанов напрямую выводил свою мысль о взаимопроникнутости душевного и телесного из лейбницеvской идеи бессознательных восприятий: «Всякий ведь судит о вещах *на фундаменте своей природы*; личная «натура», «натура» *физиологическая* — и есть те «темные идеи», о которых говорил Лейбниц, те «смутные представления», о которых шел философский спор в XVII веке и которые представляют настоящий *центр*

⁵⁶Розанов В.В. [Рец.] Свое Слово. Философско-литературный сборник, издаваемый проф. А.А. Козловым. № 5. СПб., 1898 // Розанов В.В. Юдаизм (Статьи и очерки 1898–1901 гг.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.; СПб., 2009. С. 120.

⁵⁷Козлов А.А. Третья беседа с петербургским Сократом // Свое слово. Киев. 1888. Вып. 1. С. 56.

⁵⁸Розанов В.В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2005. С. 232.

управления нашими светлыми, дивными, так сказать, «официальными идеями» и мыслями»⁵⁹.

Розанов, с одной стороны, утверждает, что в мертвой природе действует процесс причинный, в живой — целесообразный, с другой же, фактически отрицает само наличие мертвой природы и, следовательно, причинно-следственных связей. Анализируя два подхода к природе и различая их, Розанов стремится показать неудовлетворительность, или, по крайней мере, ограниченность причинно-следственного подхода не только к истории, но и к природе. Философ использует лейбницеvскую оппозицию причинности и телеологии и вслед за ним приходит к выводу, что, в конечном счете, сфера применения причинности должна быть ограничена только телом. Мироздание (космос и история) устроено как иерархия типов существ, расположенных в порядке нарастания предустановленности и разумности. По Розанову, не черты неживой природы должны переноситься на живую, как это происходит в науках о природе, но напротив, зачатки живого необходимо найти в неживом. Господство причинно-следственного подхода в науке обусловлено только господствующим влиянием механицизма и материализма. Из работ Розанова фактически следует революционный вывод: естественные науки должны отказаться от механицизма и найти новый подход к своим объектам.

Источники и литература

1. *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Том первый. СПб., 1913. 531 с.
2. *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. 477 с.
3. *Розанов В.В.* Во дворе язычников / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1999. 463 с.
4. *Розанов В.В.* Около народной души. Статьи 1906–1908 гг. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2003. 447 с.
5. *Розанов В.В.* Красота в природе и ее смысл. И другие статьи 1882–1890 / Сост., подг. текста и коммент. В.Г. Сукача. 634 с.
6. *Козлов А.А.* Очерк жизни и философии Лейбница по сочинению Мерца // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 3. С. 36–64.

⁵⁹ *Розанов В.В.* Перед задачами женского образования // *Розанов В.В.* Признаки времени. Статьи и очерки 1912 г. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2006. С. 160.

7. *Лейбниц Г.В.* Опыт рассмотрения динамики. О раскрытии и возведении к причинам удивительных законов, определяющих силы и взаимодействие тел // *Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. М., 1982. Т. 1. 634 с.
8. *Лейбниц Г.В.* Против варварства в физике за реальную философию и против попыток возобновления схоластических качеств и химерических интеллигенций // *Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. М., 1982. Т. 1. 634 с.
9. *Козлов А.А.* Генезис теории пространства и времени Канта. Киев, 1884. 264 с.
10. *Лейбниц Г.В.* Письмо к Якобу Томазию о возможности примирить Аристотеля с новой философией // *Лейбниц Г.В.* Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1982. 634 с.
11. *Страхов Н.Н.* Мир как целое. М., 2007. 576 с.
12. *Страхов Н.Н.* Об основных понятиях психологии и физиологии. 3-е изд. Киев, 1904. 238 с.
13. *Розанов В.В.* Природа и история. Статьи и очерки 1904–1905 гг. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.; СПб., 2008. 766 с.
14. *Розанов В.В.* О понимании / Под ред. В.Г. Сукача. М., 1996. 640 с.
15. *Розанов В.В.* Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1996. 702 с.
16. *Розанов В.В.* Юдаизм (Статьи и очерки 1898–1901 гг.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.; СПб., 2009. 845 с.
17. *Козлов А.А.* Третья беседа с петербургским Сократом // *Свое слово.* Киев, 1888. Вып. 1. С. 47–81.
18. *Розанов В.В.* Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2005. 494 с.
19. *Розанов В.В.* Признаки времени. Статьи и очерки 1912 г. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2006. 430 с.